

Г. М. БИРЖЕНЮК,

заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА (Исторический аспект)

Сложные и неоднозначные процессы, происходящие в российской культуре и характеризующиеся утратой духовно-нравственных ориентиров развития общества, вымыванием из общественного сознания традиционных ценностей и их заменой на инокультурные ценностные идентификаты, придали дополнительную актуальность проблеме гуманизации общества. Ее решение средствами культуры в целом и конкретно на уровне регулирования культурных процессов во многом усложнилось в последние два десятилетия в связи с тем, что произошла децентрализация управления отраслью культуры, ее регионализация, усугубилось хроническое недофинан-

сирование данной сферы. Все это требует разработки теоретико-методологических основ формирования и организационно-управленческих механизмов реализации культурной политики.

Кризис культурной политики вызван, с одной стороны, несоответствием традиционных теоретических моделей изменившейся социокультурной ситуации, с другой — декларативным характером государственной политики в области культуры, допущенными ошибками в определении приоритетов развития социально-культурной сферы, отсутствием стратегически выверенных и научно обоснованных направлений культурной поли-

тики как на федеральном, так и на региональном уровнях, отсутствием в системе структур власти элементов, способных оценивать реальные проблемы и отражать их в форме государственных решений. Сегодня проблемы культуры возникают в вакууме пассивности власти, они не имеют интенциональной направленности, что чревато дальнейшим усилением деструктивных процессов в этой сфере.

Культурная политика России является во многих отношениях преемницей культурной политики бывшего СССР, которую по организационно-управленческим критериям можно отнести к тоталитарной модели. В мировоззренческом плане последняя также претерпевала определенные модификации, вызванные содержанием и характером проблем, возникающих в ходе общественного развития.

Формирование культурной политики, отвечающей реалиям современной России, предполагает осмысление исторического опыта регулирования культурных процессов. Для этого необходимо обратиться к истокам российской государственности и формировавшейся в ее русле культурной политике.

Вопрос о так называемом «начале» культурной политики в России интересен не только с точки зрения рассмотрения «начала» вообще. Он имеет немаловажное значение, поскольку может пролить свет как на проблему культурной политики в ее онтогенезе, так и на логику ее модификации на различных этапах истории Российского государства, и одновременно составить более обоснованный прогноз относительно оптимальных и реальных моделей, адекватных социально-культурной ситуации и специфике России.

В принципе можно с полным основанием утверждать, что история культурной политики в России — это в определенном смысле срез самой истории государства Российского. Ее ключевой момент — введение христианства (а значит и соответствующего типа культуры с ее специфическими нормами, ценностями и другими компонентами) было актом государственной власти и осуществлялось носителем этой власти — киевским князем Владимиром Святославичем. В 988 году государство осуществило смену языческой культуры на христианскую.

В результате возникли условия для преодоления локальной замкнутости культур различных славянских племен, составлявших Киевское государство, начала набирать силу тенденция к их слиянию и интеграции в значительно более широкую культурную общность, представляющую восточно-православный вариант христианского мира. Важно от-

метить, что именно в этот период были заложены основные механизмы выработки и реализации культурной политики, каналы трансляции культурных норм и другие компоненты системы «государство (власть) — культура».

Однако имелось достаточно объективных факторов формирования именно того типа культурной политики, который складывался в России на заре российской государственности. Что можно к ним отнести?

В. Ключевский отмечал, что «наш народ поставлен был судьбой у постоянных ворот Европы, на страже ломившейся в них кочевой хищной Азии. Целые века истощал он свои силы, сдерживая этот напор азиатов, одних отбивал, удобряя широкие донские и волжские степи своими и ихними костями, других через двери христианской церкви мирно вводил в европейское общество»¹. Это было одним из главных обстоятельств превращения истории народа в историю государства Российского.

В работах В. Ключевского мы находим оригинальный и аргументированный анализ того, как русский народ нуждался в системе государственности, возникшей в XIV веке на основе Московского княжества. Историк убедительно доказывает, что народ сам способствовал ее становлению, а она — его выживанию и развитию. Речь идет о том, что в ситуации распада Киевской Руси в народе начали нарастать озлобленность и одичание. Именно жесткая государственность в этой ситуации могла обеспечить сохранение единства народа и его культуры. «Выросши среди внешних угроз и внутренних бед, — пишет историк, — быстро уничтожавших плоды долголетней кропотливой работы, оно (речь идет о великорусском племени. — *Авт.*) чувствовало потребность в политическом сосредоточении своих неустроенных сил, в твердом государственном порядке, чтобы выйти из удельной неурядицы и татарского порабощения»². По мнению В. Ключевского, именно это обстоятельство, а не личностные качества московского князя Василия, стало причиной того, что он начал возвышаться в глазах народа.

Не случайно поэтому глава государства выступал в качестве мощного духовного референта для своих подданных и воспринимался всеми как образец для подражания. Именно это служило механизмом трансляции культурных норм, образцов и прочего — от христианского вероучения до форм искусства,

¹ Ключевский В. Соч.: В 9 т. М., 1987. Т. 2. С. 373.

² Там же. С. 45.

имеющего поддержку княжеского, а затем и царского двора.

Характерно, что в самом начале становления российской государственности и как одного из ее базовых элементов — государственной культурной политики — сложились формы влияния на культурную жизнь, сохранившиеся практически до настоящего времени. Прежде всего это был государственный заказ — как форма и поддержка желаемых с точки зрения власти направлений развития культуры, так и распространение культурных образцов, стиля и тому подобного. Государственный заказ был весьма распространен в области архитектуры. Так, главные городские соборы строились почти целиком на княжеские или царские средства. Понятно, что заказчик оказывал влияние на формирование их общего архитектурного замысла, детали украшения, подбор исполнителей и пр. Государственный заказ охватывал деятельность летописцев и переписчиков книг, иконописцев, ювелиров.

Православная церковь определяла основы и характер духовной жизни общества и также выступала в роли заказчика. Однако, во-первых, ее роль в этом плане была менее значительной; во-вторых, государственный характер религии в России возводил эту деятельность, в определенном смысле, в ранг государственной культурной политики.

Здесь нельзя не отметить еще одну черту раннего этапа российской государственной культурной политики. Государство не ограничивало развитие российской культуры только собственными традициями. Выраженной чертой проводимой культурной политики было приглашение зарубежных мастеров, которые приносили в русскую культуру свои национальные элементы и в то же время подчиняли художественные традиции своих стран православным канонам. Польские строители во многом определили облик владимиро-суздальских храмов; Московский Кремль, который строился итальянскими специалистами, по возведению фортификационных сооружений по сей день воспринимается как крепость, воплотившая в себе мировой уровень строительства подобных сооружений XIV–XV веков. Масштабные градообразующие сооружения, созданные иноземными мастерами, сформировали городскую среду многих русских городов. Таким образом, неповторимый облик русской культуры можно рассматривать как результат именно государственной культурной политики.

Понятно, что говорить о существовании некой единой, цельной и главное — отрефлексированной и тем более вербализованной

государственной культурной политики в обозреваемый период нет оснований. Существовали различные общественные силы, представлявшие несовпадающие, а иногда и противоречащие друг другу интересы, что находило выражение в числе прочего и в проводимой ими культурной политике. Речь идет, в частности, о митрополитах-греках, которые в основном способствовали развитию «грекофильского» направления в культуре России. Патриарх Никон в XVII веке пытался возродить «древлеправославные» образцы. Были определенные региональные различия в направлениях, формах и других параметрах культурной политики. Так, в Новгороде, представлявшем до 1478 года олигархическую боярскую республику, масштабное княжеское строительство характерно только до XI — первой половины XII века, затем субъектами «заказа» (и соответственно — культурной политики) выступали преимущественно бояре, купцы и корпорации горожан.

Еще одним субъектом культурной политики выступали монастыри, которые уже в домонгольской Руси превратились в своеобразные центры культуры и хранилища национальных традиций и во многом обеспечили ее целостность и преемственность в период монгольского владычества (1243–1480).

Усиление роли централизованной царской власти постоянно сопровождалось формированием все более выраженной культурной политики и совершенствованием механизмов ее выработки и реализации. Так, Иваном Грозным было инициировано создание Стоглавого собора, решавшего в числе других ключевых проблем дискуссионные вопросы церковного искусства. В то же время при царском дворе создавался Лицевой летописный свод — компендиум по русской истории. В 1533 году по указу царя открывается первая русская типография, значение которой в контексте развития культуры того периода трудно переоценить.

Благодаря целенаправленной культурной политике, в XVII веке в российской культуре начался переход от греко-византийской средневековой традиции к новоевропейской. Во многом он шел успешно в силу того, что субъект этой политики (прежде всего царь как «наиболее информированный и богатый заказчик») имел возможность знакомиться с культурой других народов и в итоге «формулировать заказ» мастерам, которые подчас были привержены еще средневековым традициям.

Среди важных направлений культурной политики следует отметить создание единой системы подготовки художественных кадров.

Она включала Приказ каменных дел, ведавший строительством, мастерские Оружейной палаты, где трудились иконники, золотописцы, резчики, ювелиры и предводители других ремесел. Во всех этих структурах существовала четкая система обучения, обеспечивавшая переход от роли новичка к подмастерью и далее к мастеру на основе индивидуального наставничества, что обеспечивало преемственность не только технологий, но и художественных традиций. Существовал также определенный механизм распространения новых технологий: так, для исполнения больших государственных заказов в Оружейную палату приглашали мастеров из других городов, которые перенимали московские новшества и распространяли их по всей стране.

В XVI веке оформилась существенная черта культурной ситуации в России, которую не могла не учитывать складывающаяся культурная политика. Речь идет о разделении культуры на столичную и периферийную, причем вторая выступала не как «сниженный» вариант первой — налицо было два равнозначных явления. Именно эта специфика культурной ситуации в XVI–XVII веках породила своеобразный культурный плюрализм на региональном и социальном уровне. Москва и царь определяли одну линию развития культуры, и одновременно существовали другие региональные и социальные культурные традиции — в обычаях, языке, архитектуре, живописи, прикладном искусстве.

С именем Петра I связано зарождение целенаправленной, масштабной, общегосударственной культурной политики. Никогда прежде история не знала столь обширного законодательно закрепленного влияния государства на культуру. Начинается переориентация русской культуры на европейские образцы, церковь подчиняется государству, вся культурная жизнь приобретает преимущественно светский характер.

Осуществляются и конкретные шаги в сфере культурных практик. В 1702 году в Москве начала выходить правительственная газета «Ведомости», был выстроен общедоступный театр. Позднее театр получил статус государственного учреждения, и на него были возложены воспитательные задачи.

В 1719 году открылся первый Российский музей — Кунсткамера, вошедший затем в состав Российской академии наук. Сенатским указом 6 ноября 1757 года при Московском университете была создана Академия художеств, с которой была придана функция руководства всей художественной жизнью России (подготовка профессиональных кадров в области живописи, скульптуры, архитектуры,

руководство работой художественных обществ и музеев, организация выставок, создание и охрана памятников и т. д.).

Петр начал решительное наступление на частную жизнь граждан. До сих пор Россия не знала такого прямого декретирования непосредственно бытового поведения: издавались указы по самым частным подробностям — как одеваться и причесываться, как развлекаться, где и как отдыхать.

От Петра идет родословная массовых праздников. Он относился к празднествам как к значительным идеологическим мероприятиям, смысл которых — укрепить уважение к мощи государства, воспитать в подданных патриотизм. В целом можно сказать, что Петр внес в досуг элемент официальности, преследуя главную во всех преобразованиях цель — укрепление государственности. Он покончил с положением, когда досуг был исключительно частным делом, поднял его организацию на уровень государственной политики, превратил в часть воспитательной сферы, в объект государственной регламентации.

Процесс огосударствления культурной жизни и усиления роли государства в руководстве культурой в дальнейшем развивался по нарастающей. При Екатерине II было разрешено открывать частные типографии, что привело к динамичному развитию издательского дела (в общей сложности в XVIII веке в России было издано около 10 тысяч книг). В 1786 году были проведены реформы в области образования, итогом которых стало усиление роли государства во всех звеньях образования.

Одновременно росли государственные расходы на культуру. Средства шли на содержание Эрмитажа, ставшего к концу XVIII века одной из лучших картинных галерей мира, балетных трупп Большого театра в Москве и Мариинского театра в Петербурге, развитие оперного искусства, в том числе придворного оперного оркестра, состоявшего из 36 человек и считавшегося лучшим оркестром России. Такая расточительность объяснялась тем, что культура должна была, помимо прочего, служить для всего мира показателем богатства и могущества Российской империи.

Характерно, что в России на образование и культуру власть возлагала близкие по сути функции, связанные с воспитанием, усилением этатических начал в сознании населения. Так, образованное в 1802 году Министерство народного просвещения стало одним из важнейших органов управления культурой. Оно ведало всеми учебными заведениями, Академией наук, библиотеками, типографи-

ями и значительной частью музеев. Ежегодный бюджет его составлял 1–2% от общего бюджета государства, причем большая часть расходовалась на учебные и научные учреждения. Одновременно ряд учреждений культуры находился в ведении Министерства Императорского двора и уделов, образованного в 1826 году и подчинявшегося непосредственно императору.

Дальнейшее развитие культурной политики в России представляет интерес в историко-культурологическом аспекте, который в данном исследовании является скорее фактативным. Можно зафиксировать определенные факты, отражающие те особенности проводимой политики, которые варьировали в зависимости как от конкретных исторических обстоятельств, так и от личных пристрастий главного субъекта культурной политики — верховной власти.

В царствование Елизаветы (1741–1762) французский язык стал официальным языком общения дворянства. С именами Петра III и Павла I связано усиление влияния прусской военной дисциплины в сфере культурной жизни и культурной политики. Правление Александра I (1801–1825) ознаменовано национальным возрождением, обусловленным патриотическим подъемом как реакцией на наполеоновское вторжение. Для эпохи Николая I (1825–1855) характерно преобладание политического консерватизма, обусловленного восстанием декабристов. В этот же период была выработана концепция официальной культуры, которую кратко сформулировал министр народного просвещения С. С. Уваров: «Православие — самодержавие — народность».

Либеральные реформы Александра II (1855–1881) создали определенные условия для смягчения государственного вмешательства в культуру. Однако после его убийства Россия постепенно стала обретать черты полицейского государства, что немедленно нашло отражение в культурной политике — департамент полиции и жандармский корпус получили право надзирать за всеми видами культурной деятельности, усилилась цензура, которая стала тотальной.

1917 год ознаменовал наступление новой эпохи в развитии культурной политики, причем особой новизны не наблюдалось: парадоксальным образом в ней сочетались российские имперские традиции и ориентации на радикальную модернизацию страны — ее экономики, идеологии, политики, культуры и других сфер.

В течение последующих 70 лет государственная культурная политика в той или иной

мере воспроизводила аналогичные процессы в других областях общественной практики. Справедливости ради отметим, что в первое десятилетие советской власти культурная жизнь обладала некоторым плюрализмом, что можно проследить на примере разнообразия авангардистских тенденций. Основным предметом государственного регулирования в первые послереволюционные годы стало формирование государственной сети учреждений культуры и создание четкой, вертикально выстроенной централизованной системы управления культурой.

Анализ директивных документов и материалов многочисленных дискуссий 1920–1930-х годов показывает, что в этот период государственная политика базировалась на двух основаниях: нигилизм (вплоть до призыва к разрушению) по отношению к культуре прошлого и созидание культуры будущего (в лексике идеологических документов того периода этот ценностный вектор формулировался в качестве ведущей цели партии и государства — построить новую социалистическую культуру и воспитать «новый тип личности» — ее носителя). Функции культуры сводились к решению прагматической задачи приобщения «широких масс пролетариев» к социализму. Этому же были призваны служить конкретные социальные институты культуры — библиотеки, клубы, музеи, а также формы культурной деятельности — искусство, художественная самодеятельность, массовые праздники, обряды, ритуалы и т. д.

С конца 1930-х годов созидание как ценность и социально-культурный феномен было выведено на периферию культурной политики и существенно ограничено как идеологическими (соцреализм), так и профессионально-статусными рамками (творческие союзы). Причем эта тенденция была характерна не только для художественной культуры (ликвидация Пролеткульта), но и для других сфер социальной практики — все, что было связано с инновационной деятельностью, или подверглось существенной ревизии, или было уничтожено (педагогика, педология, психология и др.).

Мировоззренческие приоритеты культурной политики на данном этапе начинают смещаться в сторону сохранения и потребления культурных ценностей, норм. Именно с этого времени активно эксплуатируется идея патриотизма, о чем свидетельствуют художественные произведения, созданные при поддержке, а подчас и по инициативе «главного идеолога страны» (роман А. Толстого «Петр Первый», фильмы «Александр Невский», «Иван Грозный» и др.).

На уровне деятельности конкретных учреждений культуры и досуга эти изменения в приоритетах культурной политики нашли выражение в концепции культурного обслуживания населения. Вытеснение из мировоззренческой парадигмы культурной политики вектора созидания неизбежно привело к усилению идеологического контроля государства над всеми областями духовной жизни.

В 1960-е годы в модели культурной политики расширяется функция потребления, что находит выражение в ряде партийно-государственных документов, где была сформулирована задача приобщения широких масс трудящихся к самодеятельному творчеству. Именно в этот период растет количество публикаций в специальной литературе, посвященных расширению диапазона культурных услуг, созданию любительских объединений и клубов по интересам, стимулированию различных видов самодеятельного художественного и научно-технического творчества, оптимизации самоуправления и самоорганизации в сфере досуга.

Начиная с середины 1980-х годов предпринимаются попытки переосмыслить функции культуры в обществе и выстроить мировоззренческие основания культурной политики, соответствующие меняющейся социокультурной ситуации. Культура начинает мыслиться не просто как средство идеологического воспитания и культурного обслуживания, но и как форма проявления активности людей. В управленческом плане новые функции культуры требовали перехода от нормирования и администрирования к созданию необходимых условий, способствующих стимулированию культурной деятельности населения и в целом — модернизации общества. Однако в реальности в течение последнего десятилетия складывалась довольно противоречивая модель культурной политики, в которой во второй половине 1980-х годов преобладал вектор изменения (преимущественно в формах созидания, о чем свидетельствует бурный рост различных форм социального, политического и художественного творчества), а с 1991 года — вектор потребления.

Современная культурная политика России является примером неоптимального соединения «конфликтующих» элементов, она некритично заимствует ценности, цели и приоритеты либеральной модели (с ее индивидуализмом, плюрализмом, второстепенной ролью государства) и тем самым противоречит мировоззренческому ядру российской культуры (которое включает противоположные либерализму ценности сохранения, социальности, высокой значимости государства).

Проблемное поле современной государственной культурной политики России определяется и корректируется на основе анализа социокультурной ситуации, которая сегодня весьма многосложна и противоречива. С одной стороны, наблюдаются позитивные перемены, связанные с существенной активизацией социально-культурного творчества, обогащением спектра культурных инициатив за счет развития различного рода общественных объединений, движений, клубов, ассоциаций. Модернизационные процессы последнего десятилетия породили новые объекты культуры, расширили сферу услуг, значительно увеличили культурный потенциал общества. В то же время в культурной жизни общества наблюдаются противоположные тенденции и процессы. Результаты многочисленных исследований фиксируют увеличение разрыва между инновационным потенциалом культуры и массовой способностью его освоения и использования в повседневной социокультурной практике (Э. А. Орлова). Динамизм общественной и культурной жизни вызвал значительное усложнение структуры и содержания отношений людей друг с другом, с природным и искусственным окружением, что выражается как в объективных показателях (увеличении качественно разнообразных предметов, научных идей, художественных образов, образцов поведения и взаимодействия), так и в субъективной плоскости — речь идет об уровне психической и социальной напряженности, которым сопровождается такого рода усложнение. Наиболее существенными проблемами, отражающими характер социокультурного окружения людей и не имеющими пока эффективных средств решения, являются:

— массовая неосвоенность имеющихся в культуре инноваций;

— расхождения между запросами различных членов общества и возможностями их удовлетворения;

— отсутствие технологических средств обобщения и интегрирования нового социокультурного опыта.

Все более заметной становится тенденция социального расслоения по таким социокультурным основаниям, как образ и стиль жизни, социальная идентичность, позиция, статус. Одним из источников социально-культурных и личностных проблем являются интенсивные миграционные процессы, разрушающие культурную целостность поселений, «выключающие» из процесса культурного саморазвития большие социальные группы.

Социально-культурный кризис в обществе усугубляется продолжающимся этническим расслоением и ростом межэтнической напря-

женности, во многом обусловленными просчетами национальной политики, которая на протяжении ряда десятилетий ограничивала возможности сохранения и развития культурной самобытности народов, их языка, традиций, исторической памяти. Все более заметным становится агрессивность по отношению к другой точке зрения, другой системе ценностей, стремление обнаружить врага в лице представителей иной веры, национальности, усиливается экстремизм в политической и об-

щественной жизни. Все это обуславливает достаточно серьезные расхождения между главной целью культурной политики и ее текущими задачами.

Как представляется, рассмотрение (и использование) культурной политики как ресурса гуманизации общества возможно при условии приведения всех составляющих этой политики в соответствие с целями и ценностями гуманизации различных областей социальной практики.